

Е.П. Блаватская

ЧЕЛЫ И МИРСКИЕ ЧЕЛЫ (CHELAS AND LAY CHELAS)

Поскольку слово *чела* вместе со многими другими было введено теософией в номенклатуру западной метафизики, а также потому, что область распространения нашего журнала постоянно увеличивается, для пользы наших, если не восточных, то во всяком случае западных, членов было бы полезно дать более точное, чем это было сделано до сих пор, определение значения этого термина и правил ученичества. Таким образом, "чела" -- это тот, кто предложил себя в качестве ученика, чтобы не на практике изучить "тайные мистерии природы и психические силы, дремлющие в человеке". Духовный учитель, которому он предлагает свою кандидатуру, в Индии называется *гуру*; и истинный гуру -- это всегда адепт оккультной науки. Человек глубокого экзотерического и эзотерического знания, и прежде всего последнего; тот, кто подчинил свою телесную природу воле; тот, кто развил в себе самом две силы (*сиддхи*), одну для управления природными явлениями, и вторую для исследования тайны природы с помощью способностей своего существа, пребывавших ранее в скрытом состоянии, а теперь ставших активными, -- таким должен быть истинный гуру. Предложить себя в качестве кандидата в челы достаточно легко, но превратиться в адепта -- это наиболее трудная из задач, когда-либо выполняемых человеком. Имеется множество "прирожденных" поэтов, математиков, ремесленников, государственных деятелей, и т. п., но прирожденный адепт -- это нечто практически невозможное. Ибо, хотя изредка мы слышим о ком-то, имеющем экстраординарные внутренние способности для приобретения оккультного знания и силы, все же даже такой человек должен проходить через те же самые тесты и испытания и совершать ту же самую самоотренировку, что и любой менее талантливый человек, стремящийся к тому же. В этом смысле совершенно справедливо то, что не существует королевской дороги, по которой могли бы путешествовать люди, особо выделенные и обласканные судьбой.

В течение столетий выбор чел -- помимо традиционной группы людей внутри *гонпа* (храма) -- производился самими гималайскими махатмами среди естественных мистиков в Тибете, где их довольно много. Единственные исключения были сделаны для людей Запада таких, как Фладд, Томас Воган, Парацельс, Пико делла Мирандола, граф Сен-Жермен и т. п., чья близость к этой небесной науке заставила этих далеко обитающих адептов вступить с ними в личные контакты и передать им малую (или большую) часть целостной истины, в той мере, в какой это было возможно в окружающих их социальных условиях. Из книги IV Киу-те, главы "Законы Упасан", мы узнаем, что чела должен обладать следующими качествами:

1. Совершенным физическим здоровьем;
2. Абсолютной нравственной и физической чистотой;
3. Неэгоистичностью своих целей; всеобщим милосердием; состраданием ко всем одушевленным существам;
4. Правдивостью и непреклонной верой в закон кармы, верой, не зависящей от какой-либо силы, которая могла бы на него повлиять: закон, действию которого не может помешать никакая иная сила, и который не может быть изменен молитвой или какой-нибудь экзотерической церемонией;

5. Смелость, бесстрашная в любой опасной ситуации, даже под угрозой смерти;
6. Интуитивное восприятие любого существа как проявление Авалокитешвары или Божественного Атмана (Духа);
7. Спокойная незаинтересованность, но в то же время высокая оценка всего, что составляет наш объективный и преходящий мир, в его отношении к невидимым областям.

Таковы, по меньшей мере, должны быть требования к тому, кто стремится к совершенному ученичеству. За единственным исключением первого пункта, который, в принципе, хотя и очень редко, мог быть модифицирован, все остальные должны были выполняться неукоснительно, и все они, в большей или меньшей степени, должны были быть развиты во внутренней природе челы БЕЗ ЧЬЕЙ-ЛИБО ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ, прежде чем он действительно мог быть подвергнут испытаниям.

Когда самосовершенствующийся аскет -- находящийся внутри или вне обычного мира -- достигал какого-то успеха в соответствии со своими способностями, он становился хозяином своих: 1) *шарира* -- тела; 2) *индрия* -- чувств; 3) *доша* -- недостатков; 4) *дукха* -- страданий; он был готов стать единым со своим *манасом* -- разумом, *буддхи* -- интеллектом, или духовным разумом, и *атмой* -- высочайшей душой, т. е. духом. Когда он становится готов для этого, и к тому, чтобы увидеть в *атме* высшего правителя в мире чувств, а в воле -- высшую созидательную энергию (силу), тогда он, в соответствии с освященными временем правилами, может быть взят одним из посвященных. Тогда ему возможно будет показан мистический путь, в конце которого он может быть обучен безошибочному различению *фала*, то есть результатов, произведенных причинами, и ему будут даны способы достижения *анаварга* -- освобождения от страдания повторных рождений (процесса, в который не может вмещаться неведающий), и таким образом избежать *пратьябхава* -- перевоплощения.

Но со времени образования Теософского общества, одной из важных задач которого было пробуждение в арийском сознании дремлющей памяти об этой науке и о трансцендентальных человеческих способностях, с тех пор правила выбора челы стали слегка менее строгими в одном отношении. Многие члены Общества, на практике убедившись в справедливости вышеизложенного, и справедливо полагая, что если кто-то ранее достиг цели, то и они, будучи внутренне готовы к этому, тоже могут достичь ее, следуя тем же самым путем, начали настаивать на их принятии в качестве кандидатов. И постольку отказать им, по меньшей мере, в возможности начать, означало бы вмешательство в действие кармы, а также потому, что они были столь настойчивы, -- это было дано им. Результаты весьма далеки от того, чтобы быть обнадеживающими, и данная статья предназначена как раз для того, чтобы показать этим несчастным причину их неудачи, а также предостеречь других от того, чтобы они опрометчиво выбирали себе подобную судьбу. Предполагаемые кандидаты, хотя их заранее открыто предостерегали против этого, ошибочно начинали смотреть в будущее с точки зрения собственного эгоизма, утрачивая при этом чувство прошлого. Они забыли, что ничего не сделали для того, чтобы заслужить редкую честь быть избранными; ничего, что оправдывало бы ожидания такой привилегии; что они не могли похвастаться ни одним из вышеперечисленных достоинств. Как люди эгоистического, чувственного мира, женатые или одинокие, торговцы, гражданские или военные служащие, представители ученых профессий, они принадлежали к той школе, которая была предназначена скорее для их поглощения животной природой, и в гораздо меньшей степени -- для развития их духовных способностей. И все же каждый из них и все они имели достаточно тщеславия, чтобы предполагать, что специально для них может быть сделано исключение из закона,

существующего множество веков, как если бы в их личности в мир пришел новый *Аватар*! Все ожидали, что их научат тайным вещам, им будут даны сверхъестественные силы потому, что они просто присоединились к Теософскому обществу. Некоторые искренне решили внести улучшение в собственную жизнь и отказаться от своего неправильного пути; мы должны, во всяком случае, проявить к ним справедливость.

Поначалу все отказались, и президент, полковник Олкотт, в первую очередь; что касается последнего, то сейчас не будет никакого вреда в том, чтобы сказать, что формально он не был принят как чела до тех пор, пока не доказал в течение более чем года особых трудов и при помощи непредвзятого определения то, что его испытание может завершиться благополучным образом. Затем со всех сторон стали поступать жалобы -- и от индусов, которые могли бы обо всем знать лучше, и от европейцев, которые конечно не могли ничего знать о правилах. Раздавались крики о том, что Общество не может этого вынести, хотя некоторым теософам и был дан шанс попробовать. Все иные благородные и бескорыстные пункты нашей программы игнорировались -- долг человека по отношению к своему соседу, к своей стране, его обязанность помогать, просвещать, поощрять и поднимать тех, кто слабее и менее благополучен, чем он; все эти цели были попораны в их безумном стремлении стать адептами. Призыв к феномену, феномену, феномену без конца звучал повсюду, и основателям мешали в их действительной работе, безрассудно приставая к ним с просьбами вступить за них перед махатмами, на которых обрушивался настоящий гнев, хотя все удары и пришлось на их бедных посредников. В конце концов, от высших авторитетов пришло извещение о том, что некоторые из наиболее настойчивых кандидатов могут быть приняты под их обещание. Результат этого эксперимента, возможно, показал бы лучше, чем множество молений, что означает ученичество и каковы могут быть последствия эгоизма и безрассудства. Каждого кандидата предостерегали, что в любом случае он должен ждать годами, прежде чем его готовность может быть подвергнута испытанию, и что он должен пройти через серию тестов, которые выявят все то, что есть в нем, будь оно плохим или хорошим. Почти все они были женатыми мужчинами, и поэтому были названы "мирскими челами" -- термином, новым для английского языка, но давно имевшим свой эквивалент в азиатских языках. Мирской чела -- это всего лишь человек этого мира, который подтверждает свое желание приобрести мудрость в духовных вещах. В действительности, каждый член Теософского общества, который признает две из трех наших декларируемых целей, является таковым. Ибо, хотя он и не принадлежит к числу истинных чел, он все же имеет возможность стать одним из них, поскольку переступил через пограничную линию, отделяющую его от махатм, и отдал самого себя под их наблюдение. Присоединяясь к Обществу и связывая себя обязательством помогать в его работе, он принял на себя обязанность действовать в какой-то мере совместно с махатмами, по повелению которых и было организовано наше Общество, остающееся под их покровительством. Присоединение к Обществу -- это введение; все остальное полностью зависит от самого члена, и ему не следует никогда надеяться на некое особое благоволение от одного из наших махатм, или каких-либо других махатм, -- если бы даже они и согласились бы стать им известными, -- надеяться можно лишь на то, что получено посредством личных достижений. *Махатмы являются слугами, а не арбитрами закона кармы.* МИРСКОЕ УЧЕНИЧЕСТВО НЕ ДАРУЕТ НИКОМУ НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ, КРОМЕ ПРИВИЛЕГИИ РАБОТАТЬ РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ СТАТЬ ДОСТОЙНЫМ, ПОД РУКОВОДСТВОМ УЧИТЕЛЯ. Будет ли чела видеть своего Учителя или не будет, не имеет никакого значения для результата: его добрые мысли, слова и дела принесут свои плоды, а злые -- свои. Хвастаться мирским ученичеством или выставлять его напоказ, -- это вернейший способ ослабить связь с гуру, свести ее просто к пустому названию, поскольку это будет *prima facie* [первейшее] доказательство бесполезности и непригодности такого человека для дальнейшего прогресса. Долгие годы близких

отношений с махатмами научили нас справедливости выражения: "Сперва заслужить, а потом желать".

В природе, как оказывается, действует ужасный закон, который не может быть изменен, и деятельность которого выявляет кажущуюся тайну выбора определенных "чел", которые, в течение нескольких последних лет, оказались не лучшими образцами нравственного поведения. Помнит ли читатель старую поговорку: "Не будите спящую собаку"? В этой поговорке содержится глубокий оккультный смысл. Никто из мужчин или женщин не знает о своей собственной нравственной силе, пока он не подверг ее *испытанию*. Тысячи людей проходят вполне достойно через всю жизнь, поскольку они никогда не оказывались в экстремальной ситуации. Это безусловный трюизм, но он наиболее подходит к данному случаю. Тот, кто пытается вступить в ученичество, тем самым пробуждает и доводит до крайности все дремлющие страсти его животной природы. Ибо это начало борьбы за обладание, в которой не будет пощады. Это, раз и навсегда, "быть или не быть"; победа означает приобщение к АДЕПТСТВУ, неудача -- позорное мученичество; поскольку пасть жертвой вождения, гордости, скупости, суетности, эгоизма, трусости, или любого другого из этих низших пристрастий, -- это действительно позорно, если исходить из стандарта истинного человечества. Чела призван к тому, чтобы бесстрашно встречать не только все дремлющие наклонности своей природы, но и, кроме того, всю массу пагубных сил, накопленных в обществе и в нации, к которым он принадлежит. Ибо он представляет собой совокупность всех этих факторов, и то, что действует на отдельного человека или на группу людей (город или нацию), действует и на любого другого человека. В этом случае его борьба за добро наталкивается на все то зло, которое есть около него, и которое направляет против него всю свою ярость. Если он согласен идти вместе со своими соседями и быть почти такими же, как они -- скажем, чуть лучше, или чуть хуже, чем средний человек, -- то никто не обратит на него никакого внимания. Но пусть будет известно, что он способен обнаружить пустоту общественной жизни, ее лицемерие, эгоизм, плотские интересы, алчность и другие скверные качества, и что он решил поднять самого себя на более высокий уровень, -- сразу же он будет подвергнут ненависти, и все плохое, фанатичное, тлетворное пошлет против него мощный поток энергии. Если он силен внутренне, то он стряхнет это с себя, так же как сильный пловец переправится через поток, который снесет вниз более слабого. Но если чела имеет хотя бы один скрытый недостаток, в этой нравственной битве он должен сделать все, что может, то есть должен вынести его на ясный свет. Налет условностей, которыми "цивилизация" покрывает всех нас, должен быть полностью снят, и внутренняя сущность, без малейших покровов, скрывающих ее истинную природу, должна быть выставлена напоказ. Обычаи общества, которые в большей или меньшей степени налагают на человека моральные ограничения, заставляют его платить дань добродетели тем, что он кажется хорошим, вне зависимости от того, каков он на самом деле, -- все эти обычаи должны быть забыты, а эти ограничения разрушены в связи с этим ученичеством. Он находится сейчас в атмосфере иллюзий -- *майи*. Зло принимает свой наиболее соблазнительный вид, и заманчивые страсти пытаются завлечь неопытного ищущего в пучину психического унижения. Это вовсе не похоже на случай, описанный великим художником, когда Сатана играет в шахматы с человеком, и ставкой является его душа, в то время как добрый ангел последнего стоит около него, советуя и помогая ему. Ибо в данном случае происходит борьба между волей челы и его плотской природой, и карма препятствует тому, чтобы какой-либо ангел или гуру вмешивался бы, пока результат не определен. Бульвер Литтон с живостью своей поэтической фантазии изобразил это нам в своей книге "Занони", которая еще будет когда-нибудь по достоинству оценена оккультистами; а в своей "Странной истории" он показал темную сторону оккультного исследования вместе с ее смертельными опасностями. Один махатма дал недавно такое определение ученичества: это "психический растворитель, который уничтожает весь шлак и оставляет одно лишь чистое

золото". Если кандидат имеет скрытое влечение к деньгам, или политической софистике, или к материалистическому скептицизму, или пустому хвастовству, ко лжи, грубости, к плотским удовольствиям всякого рода, -- можно быть уверенным, что эти зерна прорастут; то же, с другой стороны, относится и к благородным свойствам человеческой природы. Проявляется истинный человек. Поэтому, не является ли верхом безумства, если кто-либо оставляет гладкий путь общепринятой жизни и хочет карабкаться на скалы ученичества, не обладая чувством уверенности в том, что его внутреннее содержание соответствует данному выбору? Об этом хорошо сказано в Библии: "Пусть стоящий обратит внимание на того, кто падает"; этот текст предполагаемые челы должны бы хорошо усвоить, прежде чем очертя голову броситься в драку! Для некоторых из наших мирских чел было бы лучше, если бы они подумали дважды, прежде чем стремиться к испытаниям. *Мы взываем к разуму нескольких бедных неудачников последнего года.* Одному в голову пришло что-то плохое, он отрекся от благородных чувств, высказанных всего лишь несколько недель назад, и стал последователем религии, которую он только что презирал и считал бесспорно ложной. Другой стал банкротом и скрылся с деньгами своих сослуживцев, -- а он также считал себя теософом. Третий отказался сам от великой распушенности и признался в этом выбранному им гуру, со слезами и рыданиями, но безрезультатно. Четвертый попался в ловушку, связав себя с человеком противоположного пола, и отпал от своих самых дорогих и верных друзей. Пятый обнаружил признаки умопомрачения и был доставлен в суд с обвинением в недостойном поведении. А шестой застрелил самого себя, чтобы избежать последствий уголовного преступления, будучи на грани разоблачения! И мы можем двигаться дальше и дальше в этом направлении. И все они, по-видимому, были искренними искателями правды и считались в мире достойными людьми. С внешней стороны, по своим проявлениям, они вполне могли бы быть признаны кандидатами в ученичество, но "внутри них была гнилая испорченность и кости мертвеца". Мирской налет был столь толстым, что скрывал отсутствие под ним истинного золота, и когда "растворитель" делал свое дело, то кандидат в каждом случае обнаруживал лишь позолоченную внешность морального шлака, от поверхности до самой сердцевины...

В том, что было рассказано выше, мы имели дело, конечно, с неудачниками среди мирских чел; в других случаях был также и некоторый успех, и они постепенно проходили через первые этапы своего испытания. Некоторые сделали себя полезными для Общества и всего мира в целом благодаря хорошему примеру и наставлениям. Если они еще держатся, то это хорошо как для них, так и для всех нас: хотя условия исключительно жестоки, но все же "нет невозможного для того, кто ХОЧЕТ". Трудности ученичества не уменьшатся до тех пор, пока не изменится человеческая природа и не разовьется новый характер. Св. Павел ("К Римлянам", VII, 18-19), вероятно, имел в виду чела, когда сказал: "Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю".

И в мудрой Киратаджанья Бхарави (XI, 32) написано:

*Врагам, что в нас гнездятся до сих пор --
Страстям порочным -- нужно дать отпор,
Тот, кто избавится от их оков,
Тот станет равным покорителю миров.*

"Приложение к Теософисту", июль 1883 г.
